Лейлатепинская культура и майкоп

д.и.н., член-корр РАН Р.М. Мунчаев

д.и.н. Ш.Н. Амиров

О совсем недавно открытой лейлатепинской культуре в Закавказье, ее отличительных признаков и корнях и ее отношениях с известной майкопской культурой пишут *Рауф Магомедович Мунчаев,* д.и.н., член-корр. РАН и *Шахмардан Назимович Амиров,* д.и.н., с.н.с. Института Археологии РАН.

Открытие лейлатепинской культуры. Лейлатепинская культура, выявленная совсем недавно, в начале XXI в., это раннеземледельческая культура Закавказья эпохи позднего халколита (энеолита), датируемая в пределах IV тыс. до н.э. (Мусеибли. 2015. С. 3-8). Название данной культуре дало поселение Лейлатепе, расположенное в Агдамском районе Азербайджана, в Карабахской степи, и раскопанное во второй половине 70-х годов И.Г.Наримановым.

Культура же Закавказья раннего халколита, известная как шомутепе – шулаверская культура (по названиям поселений Шомутепе в Азербайджане и Шулаверисгора в Грузии), открыта в среднем течении Аракса И.Г.Наримановым, А.И.Джавахишвили, О.М.Джапаридзе и другими исследователями (Нариманов. 1987; Джапаридзе. 1989). Она датируется второй половиной V – началом IV тыс. до н.э. Устанавливается, что между данными халколитическими культурами Южного Кавказа нет никакой генетической связи, они различны по происхождению и важнейшим особенностям. В данной связи мы несколько отвлечемся и отметим следующий факт, имеющий отношение к открытию Лейлатепе как уникального культурного феномена.

Дело в том, что И.Г.Нариманов в течение многих лет (1971 – 1980 гг.) являлся членом Иракской экспедиции Института археологии АН СССР и принимал участие, в частности, в раскопках крупного поселения Ярымтепе III со слоями убейдской (мощностью 4 м) и халафской (толщиной 8 м) культур Северной Месопотамии. Сразу же после исследования убейдского слоя Ярымтепе III он начал раскопки в Карабахе совершенно нового памятника в виде небольшого поселения под названием Лейлатепе. Каково же было его удивление, когда вместо типичных для раннеземледельческих поселений Закавказья архитектуры и керамики в Лейлатепе оказались представлены совершенно характерные для Ближнего Востока и прежде всего Северной Месопотамии строительные сооружения и глиняная посуда. Стало очевидным, что здесь те же самые архитектура и керамика, что и в Ярымтепе III. Вывод напрашивался сам собой: Лейлатепе – это не памятник культуры местного населения, он оставлен пришельцами из месопотамской степи или, другими словами, имеет не местное, а месопотамское происхождение. Это, конечно же, стало сенсацией в кавказской археологии и Лейлатепе привлёк к себе широкое внимание специалистов.

Месопотамский вклад. Следует отметить, что Лейлатепе еще многие годы оставался в Закавказье по существу единственным памятником с подобными характерными признаками месопотамской культуры V – IV тыс. до н.э. Поэтому дать развёрнутую характеристику и оценить должным образом феномен Лейлатепе было затруднительно в первое время, до тех

пор, пока не начались в Закавказье, главным образом в различных регионах Азербайджана, вплоть до Мугани и предгорьев Большого Кавказского хребта, исследования новых памятников, аналогичных или совсем близких Лейлатепе (Рис. 1. Карта). Важная заслуга в этом принадлежит видному азербайджанскому учёному Н.А.Мусеибли. Именно он с начала XX1 в. выявил в Восточном Закавказье целую группу памятников позднего халколита и произвёл стационарные исследования на некоторых из них. Так, он раскопал на более широкой площади, чем был исследован Лейлатепе, такие поселения рассматриваемой культуры, как Беюк Кесик (Мусеибли. 2007), Пойлу 2 (Мусеибли. 2010. С. 208 – 211) и особенно Галаери (Мусеибли. 2014. С.82 – 84). Весьма существенно и то, что Н.А.Мусеибли удалось открыть и изучить ряд погребальных памятников, связанных с культурой Лейлатепе (Мусеибли. 2005; 2008; 2009). Наконец, особо подчеркнём, что проанализировав материалы всех памятников, Н.А.Мусеибли создал первый обобщающий труд по культуре позднего халколита Закавказья, определив её как лейлатепинская культура (Мусеибли. 2015).

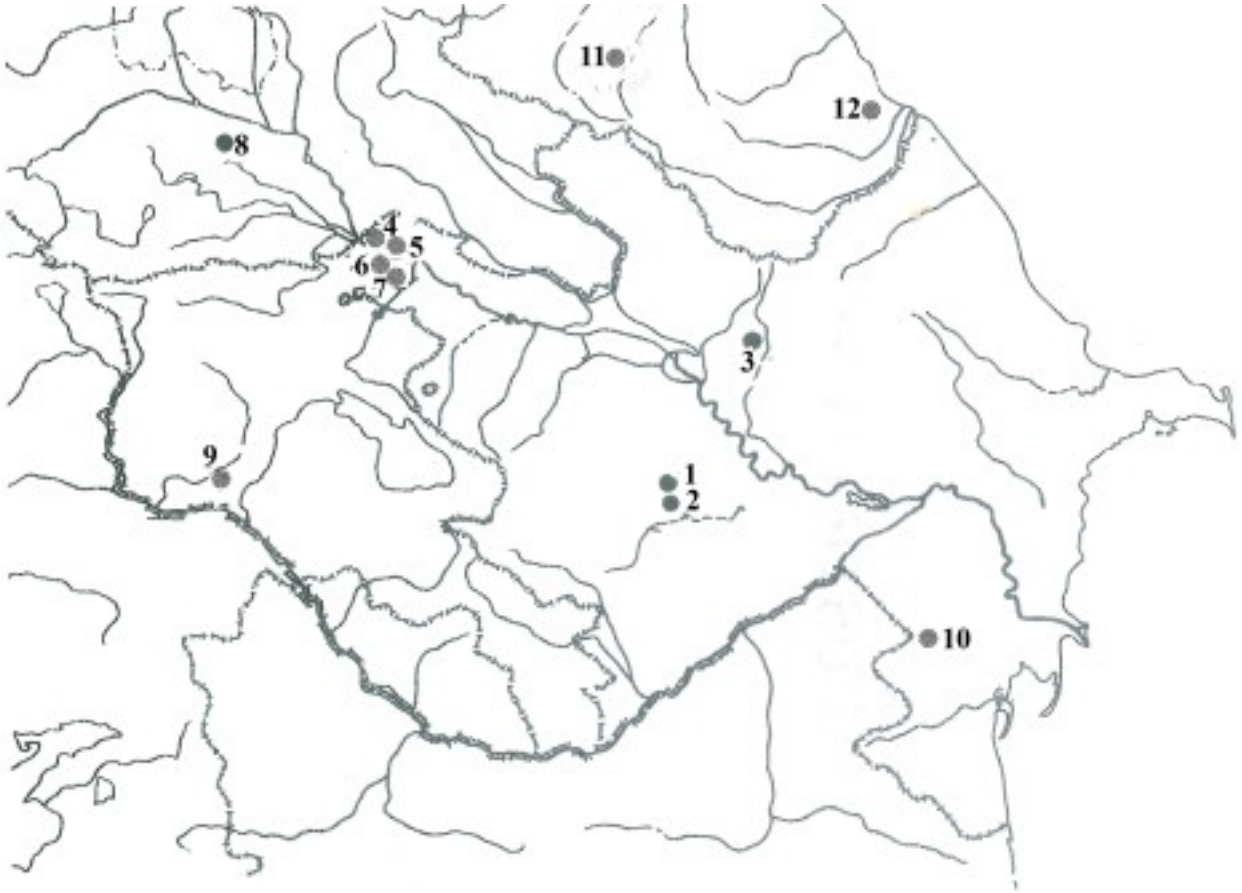

Рис.1. Карта. Лейлатепинская культура с наиболее известными ее памятниками. 1. Лейлатепе: 2. Чинартепе; 3. Калаери; 4. Беюк Кесик; 5. Союгбулак; 6. Пойлу-I; 7. Пойлу-II; 8. Бериклдееби; 9. Техут; 10. Алхантепе; 11.Гинчи; 12. Великент.

Несомненно, что в эпоху позднего халколита именно восточная часть Южного Кавказа оказалась наиболее освоенной и сравнительно более густо заселённой. Выясняется не просто факт активного культурного месопотамского влияния на Закавказье, а фактически переселение на Южный Кавказ целых групп населения из Месопотамии. Известно, что степная зона Восточного Закавказья по своим природно-географическим условиям исключительно близка степям Северной Месопотамии. Это явилось немаловажной причиной для миграции избыточного населения из Месопотамии в слабо заселённое Закавказье в эпоху позднего халколита. На самом деле, совершенно ясно сейчас, что в предшествующий период, когда еще не сложилась лейлатепинская культура, Южный Кавказ был плохо освоен. Известные в Закавказье для данной эпохи памятники исчисляются единицами. Это прежде всего поселения Цопи и Сиони, раскопанные в Грузии. Представленная ими культура, к сожалению, недостаточно изучена, ниже мы специально коснёмся её.

Рассматривая ареал лейлатепинской культуры, мы видим, что её памятники исключительно многочисленны в степной зоне вдоль течения Аракса. Они известны не только в Мильско – Карабахской степи (поселения Лейлатепе, Агылыдере, Абдал Азизтепе, Чинартепе и др.; Алиев, Нариманов. 2001. С. 10 – 22), но реже и в Муганской степи (Полутепе, Мишарчай 6, Алхантепе) и Ганджа – Казахской равнине (Ментежтепе, Рустепеси и др.; Алиев, Нариманов. 2001. С.25 – 30). Их немало и на поселениях, расположенных севернее, вдоль течения Куры, (например, поселение Боюк-Кесик, Ментештепе (халколитический слой), так и выше вдоль долины среднего течения Куры (на поселениях Картли (Грузии) – Цопи, Бериклдееби и других. Самым северным на сегодня многослойным памятником этого времени, является поселение

Галаери, расположенное в районе Кабалы на высоте 340 м над уровнем моря, у предгорьев Большого Кавказа. В целом в настоящее время в восточной части Закавказья зафиксировано не менее 100 памятников эпохи позднего халколита. Они открыты также в небольшом количестве в Армении (поселение Техут и др.) и Грузии (поселение Бериклдееби (слой V) и др.), а также на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане (Глонти, Джавахишвили. 1987; Мунчаев. 1982; Торосян. 1976). Здесь керамика лейлатепинского типа выявлена не только в поселениях горных районов (к примеру, поселение Гинчи в Дагестане), но и на равнине, к северу от р. Самур, в приморской части (поселения Великент 2, Топрах-кала, Кабаз-кутан). Таким образом памятники с материалами лейлатепинской культуры представлены в районах, непосредственно примыкающих к Большому Кавказскому хребту. Однако настоящая концентрация памятников лейлатепинской культуры на Кавказе наблюдается прежде всего в Восточном Закавказье – на территории степных регионов Азербайджана. При этом здесь в её памятниках представлены выразительные комплексы изготовленной на гончарном круге качественной месопотамской керамики с растительной примесью в тесте.

Переселенцы из Месопотамии принесли с собой в степное Закавказье земледельческий уклад и целый комплекс связанных с ним элементов материальной культуры и обрядовых практик, которые находят прямые соответствия в позднехалколитической культуре Верхнего Двуречья, в частности Джезиры (Северной Месопотамии).

Как правило, бытовые памятники этой культуры – поселения выглядят как небольшие телли примерно одной размерной группы. Они имеют в среднем площадь около 1 га и мощность культурного слоя от одного до трех метров. К примеру, поселение Лейлатепе представляло собой холм диаметром 50 – 60 м и высотой около 2 м (Алиев, Нариманов. 2001. С. 10). Самое же крупное по размерам поселение – это, пожалуй, Галаери. Его диаметр примерно 100 м, а мощность культурного слоя 2.7 м.

Если говорить об архитектуре, т.е. строительных сооружениях, то типичными для лейлатепинской культуры являются прямоугольные конструкции, сложенные из формованного сырцового кирпича. Они принципиально отличаются от круглых в плане жилых конструкций поселений Закавказья как предшествующего, так и последующего периодов. Были распространены однокомнатные и многокомнатные сооружения. Так, например, в Лейлатепе вскрыты остатки одиннадцати разных сооружений, отличающихся друг от друга количеством комнат, структурой и, возможно, назначением (Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 10). Они были сложены из сырцового кирпича двух размеров: 44х20х10 см и 50х25х8 см. Толщина стен с обмазкой достигала 25 – 30 см. (Нариманов, Ахундов, Алиев.2007. С. 10). Кроме кирпичей, стены домов в некоторых поселениях, например, в Галаери, сооружались из глиняных пластов, достигавших в длину до 80 см при ширине 25– 28 см и толщине 8– 10 см. Эта также месопотамская традиция. Постройки носили как жилой, так и хозяйственный характер. В Лейлатепе раскопаны также четыре хозяйственные ямы и остатки двенадцати гончарных печей, круглых в плане и двухярусных (Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 15 – 18).

Особый интерес представляют хозяйственные конструкции с решетчатым планом. Одно из них открыто, в частности, на поселении Лейлатепе. Такие сооружения, связанные с хранением зерна, являются характерными для Северной Месопотамии эпохи неолита – халколита (Мунчаев, Мерперт. 1981. С.31-32, 167)

Основным показателем распространения северомесопотамской культуры эпохи позднего халколита за пределы Джезиры – Северной Месопотамии является массовая керамическая посуда (Рис 2; 3), кардинально отличающаяся от керамики аборигенных культур Кавказа (Алиев, Нариманов. 2001. С. 36 – 57). Подчеркнём прежде всего, что она изготавливалась на гончарном круге. Это резко отличает её от местной, закавказской керамики. Как правило, выделяют две разновидности посуды, изготовленной с помощью поворотного устройства. Количественно меньшая группа столовой посуды представлена качественной керамикой, изготовленной из хорошо отмученной глины, с незначительным количеством минеральных добавок в тесте. Вторая, гораздо более многочисленная группа керамики, изготовленная с помощью поворотного механизма, это хозяйственные и тарные сосуды большего объема. Характерной особенностью этой группы керамики является использование рубленой соломы, добавленной в тесто в качестве отощителя. (Алиев, Нариманов. 2001. С. 36-38; Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 42-58). Формы сосудов этих двух групп (кувшины, горшки, чаши, миски и др.) являются абсолютными аналогами керамической посуды Северной Месопотамии (Алиев, Нариманов. 2001. С. 19; Мунчаев, Мерперт, Амиров. 2004. С. 179 – 182). Для массовой керамики культуры Лейлатепе не характерна орнаментация поверхности сосудов. Лишь некоторые из них украшены росписью или резным орнаментом.

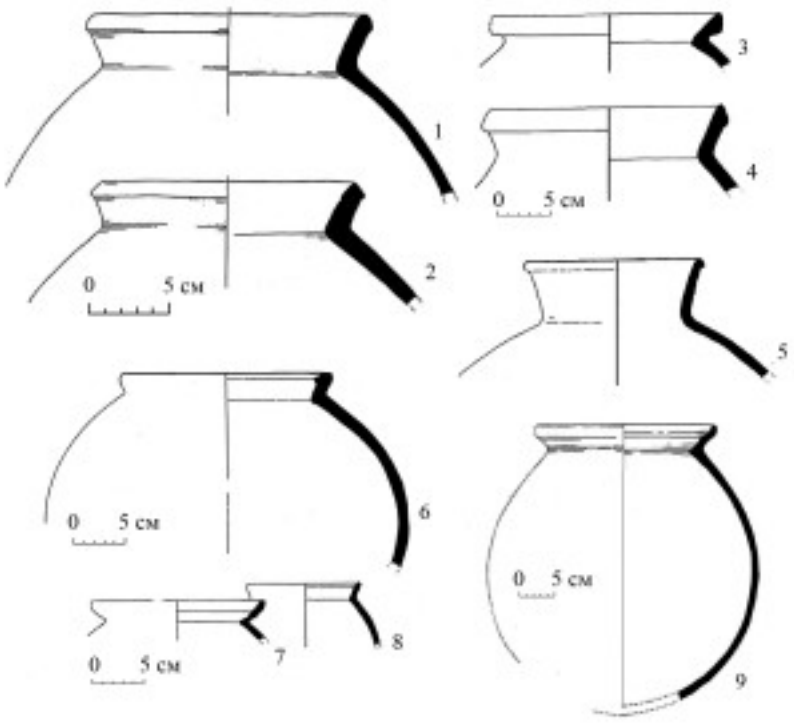

Рис. 2. Керамика лейлатепинской культуры
(поселения Лейла Тепе и Боюк Кесик)

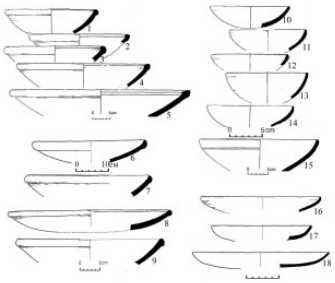

Рис. 3. Керамика лейлатепинской культуры
(поселения Лейла Тепе и Боюк Кесик)

Помимо массовых форм сосудов, следует отметить находки редких, но типично северомесопотамских специализированных форм, таких как двугорлые сосуды, обнаруженные на поселении Лейлатепе, и сосуды с носиком-сливом, которые были представлены на поселениях Лейлатепе и Беюк-Кесик (Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 52, рис. VI, 9; XVI, 23). Также следует указать на такой распространенный, в эпоху позднего халколита Северной Месопотамии признак, как знаки гончара на сосудах. В Закавказье такие знаки на сосудах отмечены на целом ряде поселений, таких как Лейлатепе, Беюк-Кесик, Пойлу II, Алхантепе (Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 60; Мусеибли. 2009. С. 48-51). Здесь же следует отметить еще такой характерный для Северной Месопотамии орнамент, как налеп с ногтевым вдавлением, (так называемые сосуды с «глазком»). Подчеркнём, что этот орнаментальный мотив, зафиксированный на керамике поселения Восточной Анатолии (Амук, фаза F), с одной стороны (Braidwood R, Braidwood L. 1960; Андреева. 1977), и на горшках из курганов майкопской культуры у г. Усть Джегута на Северном Кавказе (Мунчаев, Нечитайло, 1966. С.133-151), с другой, неоднократно встречен на лейлатепинской керамике, в частности на сосудах поселения Беюк-Кисик (Мусеибли. 2007. С. 197; Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 114, рис XVII).

Среди признаков лейлатепинской культуры, имеющих безусловное месопотамское происхождение, также может быть названа традиция совершения детских погребений в глиняных сосудах-пифосах. В частности, детские погребения в сосудах зафиксированы на поселениях Лейлатепе, Пойлу II, Беюк-Кесик, Галаери, а также на поселении Чинар-Тепе на Карабахской равнине. (Алиев, Нариманов. 2001. С. 21-22; Мусеибли 2008; Мусеибли. 2010. С. 208-211).

Среди других признаков лейлатепинской культуры, связанных с месопотамским культурным кругом, следует отметить находки двух печатей-штампов на поселении Беюк-Кесик, так называемых глиняных «гвоздей» на поселениях Лейла-Тепе, Беюк-Кесик, антропоморфных и зооморфных фигурок на поселении Беюк-Кесик (Мусеибли. 2007. С.173, Fig.14, 1,2; Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 61, рис. XXIII: 2,3; фото 9, А, Б).

Местные традиции. В то же время следует отметить, что материальная культура поселений Закавказья периода позднего халколита, не ограничивалась только северомесопотамскими импортами. На лейлатепинских поселениях степной зоны, как правило, находят порядка 20-30% сосудов ручной лепки с минеральными добавками в тесте, которые имеют подлощеную поверхность и иногда гребенчатые расчесы по внешней поверхности (Рис.4). Эта керамика принадлежит местным халколитических памятникам типа Сиони-Цопи (Джапаридзе. 1989; Nebieridze L. 2010). Культура, представленная подобными памятниками, была распространена в Закавказье и являлась местной в своей основе. К сожалению, она исследована весьма неполно и ряд важных вопросов, связанных с её изучением, остаётся до сих пор не ясным для нас. Бесспорно, что носители лейлатепинской культуры взаимодействовали с обитателями этих поселений. Неудивительно поэтому, что керамические сосуды типа Сиони — Цопи обнаруживаются в памятниках лейлатепинской культуры, также как отдельные образцы лейлатепинской керамики присутствуют в комплексах типа Сиони – Цопи. Например, они найдены в поселениях Лейла-Тепе, Пойлу II, Беюк-Кесик и др. и достигают в них до 30 – 40% . Таким образом, имеются серьёзные основания полагать, что лейлатепинская культура включает в себя и некоторые признаки местной, автохтонной культуры (типа Сиони – Цопи), также как последняя сама подверглась определённому влиянию культуры Лейлатепе.

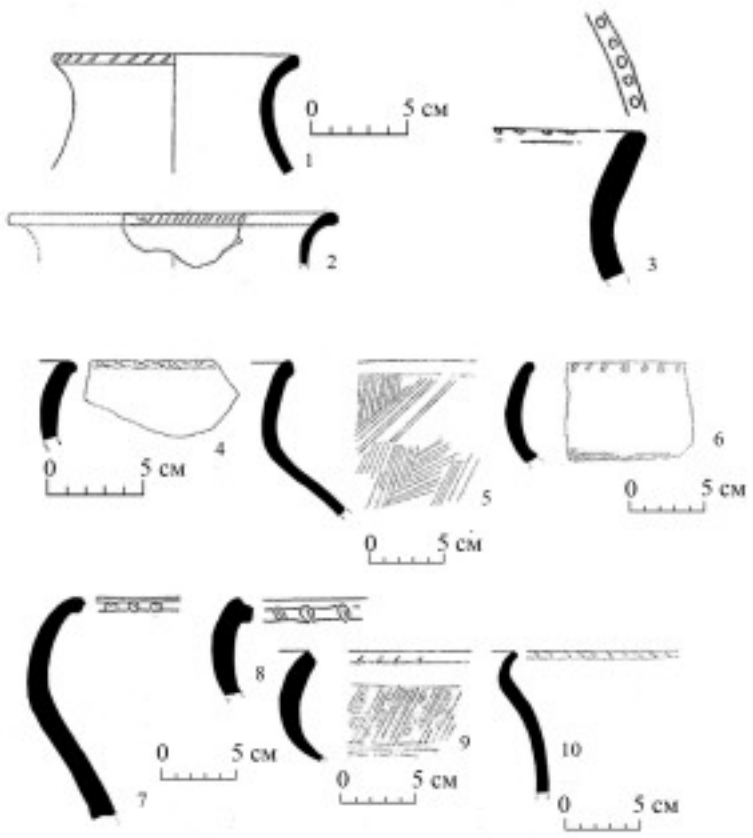

Рис.4. Керамика типа Сиони-Цопи из поселений лейлатепинской культуры

Говоря о территории распространения наиболее полного набора признаков северомесопотамской позднехалколитической культуры, характерного для лейлатепинской культуры, следует признать, что ее экологической нишей, являлся степной ландшафт. Именно в степной зоне Восточного Закавказья, (в Мильской, Муганской, Гянджа-Казахской и, вероятно, на Ширванской равнине к северу от Куры) и находится основное количество поселенческих памятников лейлатепинской культуры.

Что касается культурно — хронологического положения лейлатепинской культуры, отметим следующее. Известно, что культурные слои лейлатепинской культуры на ряде поселений перекрывают отложения неолитическо — раннехалколитической культуры Восточного Закавказья, в частности, поселении Ментештепе (Lyonnet, Guliev и др. 2012. P. 86-97) и др. Очевидно, что эти две культуры разделяет значительный отрезок времени. Больший интерес представляет корреляция материалов лейлатепинской культуры с частично синхронными ей материалами из памятников типа Сиони — Цопи и куро-аракской культуры. На поселении Ментештепе слой культуры Сиони — Цопи, который перекрывает отложения неолитического-энеолитического времени, в свою очередь перекрыт отложениями лейлатепинской культуры. Здесь керамика месопотамского облика с рубленой соломой в тесте и керамика типа Сиони — Цопи с поверхностью, обработанной гребнем, встречена одновременно (Lyonnet, Guliev и др. 2012. P. 97-108). В степной зоне куро-аракского междуречья одновременное бытование керамики этих культур зафиксировано на большинстве исследованных поселений (например, Пойлу 2, Лейлатепе, Беюк-Кесик, Агылы-Дере и др.). Также обе разновидности керамики встречены вместе на поселениях Картли (Грузии), таких, как Цопи и других. Наконец, на ряде поселений отмечено, что слой с круговой керамикой с рубленой соломой в тесте перекрыт материалами куро-аракской культуры, например, на поселениях Овчулар-Тепеси (Бахшалиев и др. 2009. С. 59-62), Ментештепе — IV (Lyonnet, Guliev и др. 2012. P. 91-92), Бериклдееби, (Глонти, Джавахишвили. 1987. С. 80-87), и др. Известны и другие памятники, фиксирующие в одном слое позднехалколитическую и

раннюю куро-аракскую керамику.

В данной связи большой интерес представляют материалы поселения Пойлу II. Там в нижней части слоя круговая керамика с соломой в тесте отмечена вместе с гребенчатой керамикой типа Сиони — Цопи, в то время как в верхней части слоя керамика с рубленой соломой встречена вместе с куро-аракссской глиняной посудой. (Мусеибли. 2010. С. 208-211). Следовательно, лейлатепинская культура была отчасти синхронной позднему этапу культуры Сиони — Цопи и отчасти раннему этапу куро-аракссской культуры. В районах, непосредственно примыкающих к Большому Кавказскому хребту, также отмечено одновременное использование лейлатепинской и куро-аракссской керамики. В этой связи особого внимания заслуживает, например, поселение Галаери, где в нижних его слоях представлено довольно большое количество керамики типа Сиони — Цопи, в то время как в слоях позднего периода жизни поселения имеются уже и отдельные образцы куро-аракссской керамики (Мусеибли 2014, С. 82-84). Высококачественная керамика лейлатепинского типа, изготовленная на гончарном круге, обнаружена и в слое куро -аракского поселения Серкертепе в Азербайджане (Мусаев. 2006. С. 172). Подчеркнём, что керамика лейлатепинского типа представлена в немалом количестве также \в ряде относительно ранних куро-аракссских поселений в прикаспийской низменности Дагестана (Великент II, Торпах-Кала, Кабаз-Кутан, Сюгут; Мунчаев и др. 2010. С. 316-334). В этих же памятниках, включая поселения в Нагорном Дагестане (Гинчи), обнаруживается и керамика типа Сиони — Цопи.

Говоря о лейлатепинской керамике Закавказья и ее сходстве с месопотамскими прототипами, укажем, что она, как правило, лишена росписи. В целом, расписная керамика на позднехалколитических памятниках в Закавказье фиксируется достаточно редко. Она, в частности, отмечена на поселениях Лейлатепепе (20 фрагментов), Беюк-Кесик (4 фрагмента) и др. (Нариманов, Ахундов, Алиев. 2007. С. 57-58; рис.XVII:1,2,6,7; XXVIII:11).

Большой интерес вызывает наличие свидетельств месопотамской культуры вдоль среднего течения Куры, в области Шида-Картли (Внутренняя Грузия), достаточно удаленной от основной территории распространения древностей месопотамского вида в Закавказье. Мы имеем в виду комплекс Бериклдееби (фазы V), включающий культовое здание и фрагмент обводной стены (Глонти, Джавахишвили. 1987; Makharadze 2007. P. 123-132). Храмовый комплекс Бериклдееби несомненного месопотамского облика, с материальной культурой, отличающейся от синхронных аборигенных памятников как финала культуры Сиони — Цопи, так и ранней куро-аракссской культуры. Он функционировал на рубеже IV-III тыс. до н.э. В этот же период там была возведена и монументальная обводная стена. Характерно, что сооружение подобных общественных конструкций становится распространенным явлением на севере Месопотамии в течение последней четверти IV тыс. до н.э. Слой фазы V поселения Бериклдееби в Шида Картли, является одним из наиболее поздних памятников месопотамского облика в Закавказье.

Переселение части носителей лейлатепинской культуры на финальном этапе развития данной культуры из степной части Закавказья в более увлажненную ландшафтную зону предгорий, возможно, связано с очередным циклом аридизации климата, прослеженным на значительных пространствах Евразии с начала III тыс. до н.э. (Амиров 2010, 29-32; 56-62; Амиров 2014, 3-17). Кстати, мы не исключаем, что отмеченный цикл аридизации мог послужить также одной из причин исчезновения лейлатепинской культуры.

Итоговая характеристика. Обобщим приведённые выше данные. Известно, что керамика типа Сиони – Цопи появляется на степных памятниках Закавказья еще до того как здесь распространяется лейлатепинская культура. Это — вторая половина V — самое начало IV тыс. до н.э. Судя по соотношению морфологии сосудов и их декора, первое появление керамики северомесопотамского облика в Закавказье относится к началу второй четверти IV тыс. до н.э. Вместе с тем, керамика месопотамского типа с рубленой соломой в тесте встречается вместе с керамикой Сиони – Цопи, по меньшей мере, до середины второй половины IV тыс. до н.э. В течение второй половины IV тыс. до н. э. круговая керамика с соломой в тесте сосуществует с ранней куро-аракской посудой. Судя по всему, наиболее ранняя куро-аракская керамика фиксируется в предгорной зоне южных склонов Малого Кавказа, в среднем течении Аракса, не ранее середины IV тыс. до н.э. Новая керамическая традиция достаточно быстро распространяется в Восточном Закавказье, охватывая значительные области, включая подгорную полосу восточной части Большого Кавказа.

Таким образом, обобщая хронологизацию рассмотренной культуры эпохи позднего халколита Южного Кавказа, мы полагаем, что период первичного проникновения материальной культуры месопотамского типа в степное Закавказье может быть датирован примерно с начала второй четверти IV тыс. до н.э., но время бытования основной массы памятников лейлатепинской культуры приходится на середину — вторую половину IV тыс. до н.э.

Проведённый обзор позволил дать краткое и вполне достаточное, как нам думается, представление о лейлатепинской культуре, её происхождении и ареале, основных атрибутах и хронологизации, и т. д. Важнейшая особенность этой культуры заключается прежде всего в её бесспорно инородном, конкретно месопотамском, происхождении.

Лейлатепе – Майкоп. Пожалуй, единственный вопрос, который оказался не затронутым выше, касается соотношения Лейлатепе и известной майкопской культуры – одной из самых ярких культур раннеметаллической эпохи Евразии. Как известно, со времени раскопок Майкопского кургана в конце XIX в. и в последующем, когда было исследовано по всей территории предгорной полосы Северного Кавказа большое число связанных с ним памятников, и они были объединены в единую культуру, интерес к последней заметно вырос и ныне привлекает к себе широкое внимание. Почти все исследователи единодушны в её переднеазиатском (точнее, месопотамском) происхождении. Совершенно очевидно, что столь яркая и оригинальная культура, как майкопская, не могла сложиться просто под переднеазиатским или, точнее, месопотамским культурным влиянием. Формирование данной культуры на Северном Кавказе, равно как и лейлатепинской в Закавказье, стало результатом, безусловно, проникновения на Кавказ определённых групп месопотамского населения. Но, следует признать, что до настоящего времени некоторые существенные вопросы, касающиеся её истинного происхождения, хронологизации и путей распространения, остаются не ясными в должной мере. И каждое новое открытие в археологии, проливающее свет на решение этих вопросов, воспринимается буквально с энтузиазмом. Так, в частности, мы с большим удовлетворением восприняли результаты раскопок памятников Лейлатепе не только как новой халколитической культуры Кавказа, но и способствующей, по нашему представлению, решению прежде всего проблемы генезиса майкопской культуры.

Что можно сказать о взаимосвязях и взаимодействии между культурами Лейлатепе и Майкопа? При исследовании данного вопроса мы помним, что эти оригинальные культуры различны в своей основе. Если лейлатепинская культура, например, является сугубо земледельческой, то майкопская, напротив, культурой скорее всего скотоводческой. Тем не менее уже сейчас близость между ними по ряду признаков очевидна, так же как ясно, что они своим происхождением связаны, бесспорно, с Ближним Востоком в широком смысле и Месопотамией конкретно. Еще недавно нам казалось (признаёмся, бездоказательно!), что отсутствие в Закавказье следов майкопской культуры – это признак того, что её проникновение на Северный Кавказ не могло проходить через Южный Кавказ и скорее всего она распространилась сюда морским путём, через Черное море. Открытие же культуры Лейлатепе резко изменило такое представление, показав с несомненностью, что месопотамская культура и её носители периода халколита (IV тыс. до н.э.) проникли на Южный Кавказ и оттуда через территории Азербайджана и Северо – Восточного Кавказа в Предкавказье, где в результате сложилась майкопская культура. По всей видимости, факт проникновения на Кавказ культуры Месопотамии представлял собой как бы единый процесс, неизвестно пока чем обусловленный, но протекавший в IV тыс. до н.э. в месопотамско – кавказском регионе и направлявшийся, вероятно, не из одного центра Месопотамии. Этот процесс привёл в конечном счете к формированию на Кавказе двух ярких культур раннеметаллической эпохи, как лейлатепинская в Закавказье и майкопская на Северном Кавказе.

Когда мы говорим о взаимосвязях культуры Лейлатепе с майкопской культурой, мы имеем в виду ранний период развития последней, характеризуемой такими памятниками, как сам Майкопский курган, древнейшая группа погребений Усть – Джегутинского могильника и др. (Мунчаев. 1994. С. 170 – 174, 192, 200, Табл.50; Мунчаев, Нечитайло. 1966. С.134 – 142). Достаточно при этом указать на удивительную близость в технологическом и типологическом отношении раннемайкопской керамики и глиняной посуды лейлатепинской культуры. А связь первой с месопотамской (северо-сирийской) культурой еще более 50 лет тому назад убедительно показала М.В.Андреева (Андреева. 1977. С. 50 – 53; Рис. 5). Кстати, тогда же она впервые обратила внимание на поразительное соответствие мотива орнаментации на горшке из долины Амука (фаза F) и на сосуде из раннемайкопского погребения в Усть – Джегуте (Андреева. Рис. 5, 45-7). Столь идентичный орнамент в виде «глазка» на аналогичных по форме сосудах из достаточно отдалённых друг от друга памятников представлялся тогда трудно объяснимым. Но после открытия культуры Лейлатепе (Рис. 5), когда в её поселениях начали обнаруживать серии сосудов с подобным орнаментом (Мусеибли. 2007. С.174, Рис.15), всё заняло своё место и сделало вполне естественным культурную цепь Северное Месопотамия – Закавказье – Северный Кавказ.

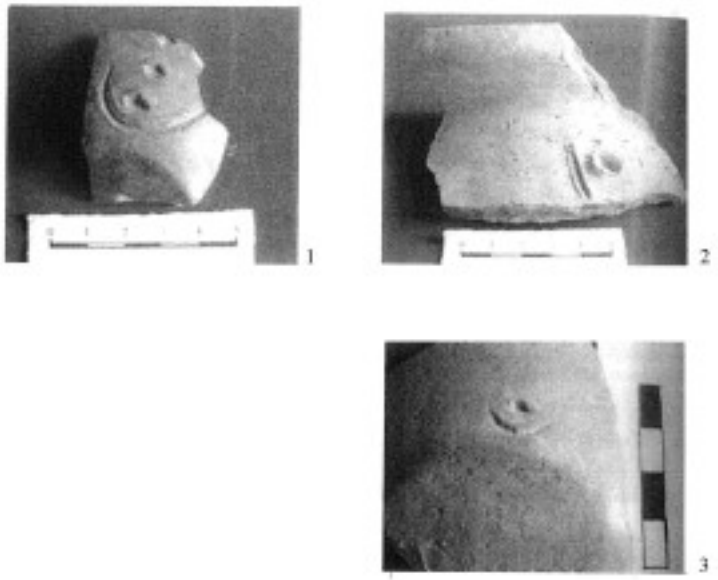

Рис. 5. Фрагменты сосудов с орнаментом (1-3) из поселения Бовк Кесик.

В данной связи нам хотелось бы обратить дополнительное внимание не на весь раннемайкопский металл, а лишь на одну его форму. Речь идёт о чрезвычайно характерных для раннего Майкопа плоских бесчеренковых ножах. Нельзя не заметить удивительную близость подобных ножей из памятников лейлатепинской культуры, в частности из кургана 5 в Союгбулаке, и раннемайкопских погребений, например, из кургана 13 в Усть Джегуте (Мунчаев. 1994. Табл. 50; Museibli. 2014. Fig. 27, 5). Такие совпадения не могут быть случайными и отражают взаимовлияния данных культурных комплексов.

Подчеркнём, что Н.А.Мусеибли в своём обобщающем труде по лейлатепинской культуре собрал все материалы по вопросу взаимосвязей культур Лейлатепе и Майкопа и сделал некоторые заключения и предположения, вплоть до происхождения майкопской культуры от Лейлатепе (Мусеибли. 2015. С. 32 – 35). Мы считаем, что некоторые из них, возможно, вполне обоснованы, но отдельные лишены пока должной аргументации и поэтому являются преждевременными. Совершенно очевидно, что необходимо терпеливо ждать новых открытий и накопления новых данных, которые помогут науке решить как проблему Майкопа в целом, так и другие важные вопросы.

Библиография

Н.Г.Алиев, И.Г.Нариманов, Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку. Агридаг. 2001.

Ш.Н.Амиров, Хабурская степь Северной Месопотамии в IV- первой половине III тыс. до н.э. М. Таус. 2010.

Ш.Н.Амиров, Месопотамско-кавказские связи в IV-III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА РАН. 233. 2014.

М.В.Андреева. К вопросу о южных связях майкопской культуры // Журнал «Советская археология». 1977. №1.

Бахшалиев В., Ашуров С., Марро К. Археологические работы на поселении Овчулар Тепеси (2006-2008). Первые результаты и новые перспективы // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII-IV тыс. до н. э. Международный симпозиум, Баку (2009), 59-62.

М.Г. Гаджиев. Раннеземледельческая культура Северо – Восточного Кавказа. Москва. Наука. 1991.

Л.И. Глонти, А.И.Джавахишвили. Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы в Шида Картли – Бериклдееби// КСИА РАН. 192. Москва. 1987.

О.М.Джапаридзе. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси. 1989.

Р.М.Мунчаев. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М. Наука. 1982.

Р.М.Мунчаев Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. Наука. 1994.

Р.М.Мунчаев, А.Л.Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть – Джегутинском могильнике. СА, 1966, №3.

Р.М. Мунчаев, Ш.Н.Амиров, Р.Г.Магомедов. Восточный Кавказ и проблема Месопотамско-Кавказских связей в IV-III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала. 2010.

Р.М.Мунчаев. Н.Я.Мерперт. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М. Наука. 1981.

Р.М.Мунчаев, Ш.Н.Амиров. Еще раз о Месопотамско — Кавказских связях в IV-III тыс. до н.э. // Российская археология. 2012. №4.

Р.М.Мунчаев, Н.Я.Мерперт, Ш.Н. Амиров. Телль Хазна I . Культово-административный центр IV-III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Том 1. М. Палеограф. 2004.

Р.М.Мунчаев, Ш.Н.Амиров. Телль Хазна I. Культово – административный центр IV – III тыс. до н.э. в Северо – восточной Сирии. Том 2. М. Таус. 2016.

Д.Мусаев. Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку. 2006.

Н.А.Мусеибли. Позднеэнеолитические курганы Акстафинского района // Журнал «Археология, этнография, фольклористика Кавказа». Баку. Nurlar. 2005.

Н.А.Мусеибли, Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку. 2007.

Н.А.Мусеибли. Захоронения младенцев в глиняных сосудах у племен Лейлатепинской культуры. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 2008.

Н.А.Мусеибли. Курганы Союзбулага // Материалы международной научной конференции «Кавказ: археология и этнология Азербайджана». Шамкир, 11 – 12 сентября 2008. Баку. 2009.

Н.А. Мусеибли. Результаты раскопок поселения Пойлу II лейлатепинской культуры // Сборник кратких содержаний докладов международной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» Тбилиси. 2010.

Н.А.Мусеибли, Поселение лейлатепинской культуры Галаери в Азербайджане // Е.И.Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. ИА РАН. М. 2014.

Н.А.Мусеибли. Лейлатепинская культура в переднеазиатско-кавказском халколите. Баку. 2015.

И.Г.Нариманов. Культура древнейшего земледельческо – скотоводческого населения Азербайджана. Баку. Элм. 1987.

И.Г.Нариманов, Т.И.Ахундов, Н.Г.Алиев. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку. 2007.

Р.М.Торосян. Раннеземледельческое поселение Техут (IV тыс. до н.э.). Ереван. 1976 (на армян. языке с русским резюме).

Braidwood, L.Braidwood. Excavations at the Plain of Antioch. OIP, 61. Chicago. 1960.

Lyonnet B., Guliev F., B. Helwing, T. Aliev, S. Hansen and G. Mirtskhalava. Antient Kura 2010-2011: the first two seasons of joint field work in Southern Caucasus.// Archaologische mitteilungen aus Iran und Turan. Sonderdruck aus Band 44. 2012.

Z.Makharadze. Nouvelles donnees sur le Chalcolithique en Georgie orientale, // Les Cultures du Caucase (VI — IIIe millenaires avant notre ere) leur relations avec le Proche-Orient. Paris . 2007.

N.Museibli. The grave monuments and burial customs of the Leilatepe culture. Baku. 2014.

L.Nebieridze, The Tsopi Chalcolitic Culture. Studies of the Society of Assyriologists Bibliologists and Caucasiologists 6. Tbilisi. 2010